

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.12>

Сарбашева Алена Мустафаевна

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-1940-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. ХОЧУЕВА)

В статье исследуется роль фольклорных традиций в формировании художественного мышления на начальных этапах становления балкарской литературы в 1930-1940-е годы. Объектом анализа избрано творчество одного из основоположников профессиональной национальной словесности Салиха Хочуева, которое содержит в себе характерные черты литературного процесса означенного периода. В сопоставительном аспекте рассматривается арсенал художественно-изобразительных средств, композиционных приемов (эпитеты, сравнения, ретардация, композиционные скрепы, рассказ в рассказе), мотивов, сюжетов, фразеологических и паремиологических единиц, заимствованных из эстетических ресурсов устного народного творчества. Исследование показало, что преемственная связь литературы с фольклором способствовала процессу эволюционирования художественной мысли, определила тенденции развития искусства слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.142

Дата поступления рукописи: 11.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.12>

В статье исследуется роль фольклорных традиций в формировании художественного мышления на начальных этапах становления балкарской литературы в 1930-1940-е годы. Объектом анализа избрано творчество одного из основоположников профессиональной национальной словесности Салиха Хочуева, которое содержит в себе характерные черты литературного процесса означенного периода. В сопоставительном аспекте рассматривается арсенал художественно-образительных средств, композиционных приемов (эпитеты, сравнения, ретардация, композиционные скрепы, рассказ в рассказе), мотивов, сюжетов, фразеологических и паремнологических единиц, заимствованных из эстетических ресурсов устного народного творчества. Исследование показало, что преемственная связь литературы с фольклором способствовала процессу эволюционирования художественной мысли, определила тенденции развития искусства слова.

Ключевые слова и фразы: фольклор; балкарская литература; поэтика; творчество; художественно-образительные средства; С. Хочуев.

Сарбашева Алена Мустафаевна, д. филол. н., доцент

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

alenasarb@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-1940-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. ХОЧУЕВА)

В литературном процессе 1930-1940-х годов фольклоризм северокавказских литератур «узаконивается как один из характерных признаков так называемых “младописьменных” культур» [8, с. 67]. В начальный период становления профессиональной словесности заметно было влияние на нее тех произведений народного творчества, в которых очевидны мотивы проявления классовой борьбы. В частности, таковыми являлись народные сказки, легенды, песни, в основе которых лежала борьба против социальной несправедливости. В условиях первых десятилетий прошлого века чрезвычайно большое влияние фольклора было закономерным явлением, которое мотивировалось отсутствием развитой художественной традиции.

«Народная основа прозы первых лет становления профессиональной письменной литературы заключалась в тесных “контактах” с фольклорными источниками, – отмечает адыгский литературовед Л. Бекизова. – Писатели широко использовали демократические мотивы народного творчества, обращались в первую очередь к сюжетам произведений, имевших острую социальную направленность, воплощавших эстетические и этические идеалы народа, его вековые мечты» [1, с. 144].

Необходимость детального изучения заявленной темы определяет ее **актуальность** в современном литературоведении. Основная **цель** данной статьи – исследовать влияние традиций устного народного творчества на развитие балкарской литературы 1930-1940-х годов.

В соответствии с поставленной целью представляется необходимым решение следующих **задач**:

- на материале творчества балкарского прозаика С. Хочуева изучить специфику освоения национальными писателями фольклорных традиций в контексте формирования художественной системы в литературах народов Северного Кавказа указанного периода;

- рассмотреть устное народное творчество как основу поэтики балкарской словесности 1930-1940-х годов.

Научная новизна работы заключается в исследовании художественных особенностей балкарской прозы первой половины XX века, определении роли национальных истоков в эволюции художественной мысли. В результате анализа ряда рассказов Салиха Хочуева удалось выявить заимствованные из поэтики устного народного творчества художественно-образительные средства и приемы (антитеза, эпитеты, сравнения, гиперболизация, метафоры, символика) и стилеобразующие компоненты (композиционные скрепы, прием ретардации), что позволило проследить глубинную связь письменной словесности с устной.

Стилистика изложения, характерная для фольклора, наблюдается в сюжетах рассказов, повестей писателей – первой плеяды представителей балкарской литературы начала С. Хочуева, О. Этезова, Х. Кадиева, Б. Гуртуева, которые «старались постичь закономерности общественного развития в общезначимых событиях (первые революционные преобразования в горных аулах, гражданская война, коллективизация)» [9, с. 9]. В частности, в обозначенный период авторы заимствуют художественно-образительные средства из ресурсов фольклорной поэтики. Широко используются эпитеты, метафоры и другие устойчивые устно-поэтические фразеологические единицы, сюжеты, приемы изображения действительности.

Первым опытом освоения фольклорных традиций в национальной прозе явилось творчество Салиха Хочуева (рассказы «Сафар и революция», «В горящем огне», «Прошли времена» и др.), в котором осязателен перевес поэтики народного творчества над художественной традицией. Народно-поэтические мотивы, средства обнаруживаются в каждом произведении писателя. Опираясь на устную словесность, автор создает картины изображаемой эпохи, образы героев наделяет аллегоричными характерами, речь персонажей в большей степени разговорная,

насыщена пословицами, поговорками, афоризмами. Последние способствовали раскрытию внутреннего мира действующих лиц, определяли характер поступков, степень их нравственности. В уста персонажей рассказов С. Хочуева вкладываются меткие и точные народные выражения, в которых отражены духовные ценности народа, его нравственные нормы. «Автор – лирический герой выступает носителем народной мудрости и оценивает поступки героев через критерии национальной морали», – пишет Т. Биттирова [2, с. 247].

Эпиграфы, предваряющие произведения С. Хочуева, заимствованы из устного народного творчества. В качестве таковых используются пословицы, поговорки, фразеологизмы: «Юшюген жилинны кьойнунга салып жилиятсанг – кьапхан этер» [10, с. 141]. / «Если пригреть на груди змею – она укусит» (рассказ «Эки кьарелди» («Две тени»)); «Алма терегинден кенгде тюшмейди» [Там же, с. 162]. / «Яблоко от яблони далеко не падает» (рассказ «Атасыны жашы» («Сын отца»)). Рассказы писателя изобилуют паремиями единицами: «Бёрюню баласы кьой кесер» [Там же]. / «И волчонок забьет овцу»; «Чычханны баласы тулукь тешер» (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – А. С.) [Там же]. / «Мышонок продырявит мешок (из шкуры домашних животных)»; «Жарлыны танасы ёгюзлюк этер» [Там же, с. 163]. / «Теленок бедняка послужит как вол»; «Жабагы да жюндю, жолукьмакьлыкь кимди» [Там же]. / «Весенняя шерсть-линька тоже шерсть, с кем встретишься в пути неизвестно» («Атасыны жашы» («Сын отца»)); «Ачыулу – жаншар, ач а ашар» [Там же, с. 165]. / «Злой (сердитый, обозленный) будет болтать (злословить), голодный – есть» («Эки кьарелди» («Две тени»)); «Учхан жулдузлагьа кьарагьанны жашауу кьысха болады» [Там же, с. 129]. / «Кто смотрит на падающие (сгоревшие) звезды, у того жизнь (век) коротка» («Оздула заманла» («Прошли времена»)) и т.д.

Как свидетельствует иллюстративный материал, составным компонентом широко применяемых национальными авторами паремий и фразеологизмов является «животное», образ которого способствует передаче морально-нравственного потенциала человека. В карачаево-балкарском языке для положительной характеристики человека используются фразеологические единицы с зоонимами *тана* – теленок, *ёгюз* – вол; с отрицательной оценкой – *бёрю* – волк, *жилян* – змея, *кьабан* – кабан и т.д.

В поэтической системе национальной прозы исследуемого периода доминантами являются эпитеты (идеализирующие), сравнения, гипербола. Наряду с отмеченными художественно-образительными средствами особое место занимает символика.

С. Хочуев в меру своего мастерства старается применять всевозможные средства для создания образов персонажей своих произведений. В частности, сравнение, заимствованное у фольклора, «является одной из характерных и распространенных форм художественного описания в эпосе. Сказители нартского эпоса, прибегая к сравнению, придавали повествованию ясность и яркость изложения, которым достигали наибольшей эмоциональной изобразительности» [3, с. 98]. В литературе данное художественное средство используется при характеристике героев. Применительно к отрицательным, каковыми являются представители высших сословий и враги новой власти, писатель осознанно в качестве лексического инструментария подбирает фразеологизмы-негативизмы: «Ит тойгьан эжерине кьайтханлай, акьбаши мыллыкь кьушла да, чепкен сокьгьанча, бири келип, бири кетип, тохтамай жюрюй эдиле» [10, с. 28]. / «Как прожорливые собаки, белоголовые стервятники (казаки. – А. С.) непрерывно ходили взад-вперед» («Сафар и революция»); «Чычхан ауда кьарьусуз чибинлени тутуп ашагьан губулай, байла, бийле жарлы халкьны этин ашап, кьанын эмип келгендиле...» [Там же, с. 95]. / «Богатые издевались над бедным народом, как паук-кровопийца над беззащитными мухами в паутине» («В горящем огне»).

Применительно к положительным героям употребительны сравнения-позитивизмы: «Кьарт текелени ичлеринде келген кьызыл партизанла, Мусос алларында, субай эркечле кибик, баиларын да ёрге тутуп, бир тюрлю бир затдан да кьоркьмай, батыр-батыр атлап, таукел бла бир бирге кьарап, ышара келе эдиле» [Там же, с. 29]. / «Красные партизаны во главе с Мусой среди старых (козлов) или подобно статным козлам с высоко поднятыми головами, бесстрашные, с решительными взглядами и улыбками».

Обращение к определенным поэтическим средствам обусловлено писательской симпатией к тому или иному действующему лицу. Чтобы усилить оппозицию героев в рассказе «Мудак жаш» («Грустный парень») (невинной девушки Аминат и преследующего ее старика Алиймырзы), Салих Хочуев обращается к излюбленному средству – сравнениям, образы которых берутся из животного и растительного миров. Для усиления негативизма по отношению к одиозной фигуре Алиймырзы автор щедр на сравнения, выявляющие отрицательную сущность героя: «Алиймырзаны макьа кёзлери жьылтырап, шынтагы бойнун созуп, келиуюнлей келе эди...» [Там же, с. 64]. / «Алиймырза шел, вытаращив свои зеленые (лягушачьи) глаза, вытянув тонкую шею»; «Алиймырза, кьой кесерге юйренген кючюклей...» [Там же, с. 66]. / «Алиймырза, как собака, привыкшая резать овцу»; «Кьарт бёрю» [Там же]. / «Старый волк»; «Кьарт кьабан» [Там же, с. 64]. / «Старый кабан». Подобными сравнениями изобилует рассказ «Эки кьарелди» («Две тени»): «Акьла кьушидан кьачхан таукьлача, артларына кьарамай кьачадыла» [Там же, с. 144]. / «Белые убежали не оглядываясь, как куры от ястреба»; «Мыллыкьга жайылгьан кьаргьала кибик, акьла бир ёзеннге кьалын олтура барадыла» [Там же]. / «Как вороны над падалью, белые или плотными рядами по долине»; «Аны (Хажини. – А. С.) эки кёзю, бёрюню тюбюнден ёлген кьой кёзлери кибик, мудак кьарайдыла» [Там же, с. 150-151]. / «Его глаза, подобно глазам зарезанного волком барана, грустно смотрели».

В рассказе «Мудак жаш» («Грустный парень») красота и скромность героини Аминат определяется посредством компаративных дескрипций (традиционных сравнений): «Аминат уялгьан кезиуюнде иги жетген гюрлю алмагьа ушай эди. Эки ууртуна кьарасань, сютню бла кьанны бирге кьошхан кибик болуучу эди» [Там же, с. 197]. / «Когда Аминат смущалась, была подобна спелому яблоку. А щеки ее – будто кровь с молоком смешали».

Салих Хочуев, опираясь на принципы альтернативного мышления, изображает своих героев как устойчивых социальных носителей определенных этических качеств: положительных или отрицательных.

Для раскрытия характера героев писатель дублирует черты фольклорных персонажей (отрицательных, положительных) и непосредственно отражает их на действующих лицах произведения, лишая при этом последних возможности максимального проявления своих индивидуальных качеств. Такая тенденция была характерна для всей северокавказской литературы обозначенного периода и определялась, по мнению литературно-критической мысли, как «несомненный признак традиций фольклора» [4, с. 88].

Существенную роль в создании образа, его литературного портрета также играют эпитеты, характеризующие гардероб (одежду) героя, что определяет его социальный статус. «Чаще всего их употребление имеет место в экспозициях преданий, так как именно в них представляются герои», – отмечает А. Ципинов [11, с. 120].

В экспозиции рассказа С. Хочуева «Сафар и революция» имеет место данное стилистическое средство применительно к фигуре главного героя – сироты Сафара: «*Сафарны юсюне кийген жарлы анасында кьалгьан тончугьу зыккыл-зыккыл болуп, жьыртлыл айланганын кьрюп, байланы, бийлени сабийлери: “Зыккылтон Сафар”, – деп хылыкя этип, кьп кюнню ёксюз Сафарны жьорегин сындырып туруучу эдиле*» [10, с. 17]. / «*Княжеские отпрыски, увидев Сафара в изорванном, изношенном тулупе, который достался ему от бедной матери, долгое время, насмехаясь над ним, обижали его*»; «*“Эй! Кьуур, зыккылтон Сафар! Былай келчи”, – деп чакьырады Сафарны атасын жалчыгьа жекген Хасан*» [Там же, с. 18]. / «*Эй! Дрожащий, зыккылтон* (выделено нами. – А. С.) *Сафар! Иди сюда*», – *звал Сафара Хасан, у которого батрачил его отец.*

Лексема *зыккылтон* в тексте используется в качестве образного художественного определения бедности, нищеты. В русском языке она не имеет эквивалента и в переводе теряет морфологический статус, трансформируясь в служебную часть речи – «Сафар в изорванном (изношенном) тулупе». Как свидетельствуют фольклорные источники, данный эпитет встречается в нартском эпосе. В сказании «Ёрюзмек нартлагьа келеди» («Как Ёрюзмек пришел к нартам») эпитет *зыккылтон* применителен к образу главного героя Ёрюзмека:

*«Ёрюзмек, жетижыллыкь жашчыкь болуп,
Ёксюз кьалгьанды.*

Кеси таулада айлана,

Башына мадар эте тургьанды...

...Нартла кьатхан зыккыл тончугьу (выделено нами. – А. С.), *садагьы бла муну кьргендеринде: “Кимни жашчыгьыса, кьайдан келесе, кьайры бараса?” – деп сордула. Ол башдан аякь хапарын айтханда, “Ач болур”, – деп ашатдыла...*» [5, с. 75]. /

«Мальчик Ёрюзмек в семь лет

Остался сиротой.

Он сам по себе бродил в горах, добывая себе пропитание...

...Когда нарты увидели мальчика, одетого в рваный тулупчик, с луком в руках, они спросили:

– Чей ты сын? Откуда идешь и куда путь держишь?

Когда он рассказал (им) о себе, они, сказав:

– Наверное, он голоден, – покормили его...» [Там же].

Рассматривая в сравнительном аспекте произведение С. Хочуева и приведенный фольклорный образец, несложно определить сходство не только в стиле изложения, но и в дублировании мотивов. Как явствует из иллюстративного материала, в обоих источниках красной линией проходит тема сиротства.

Писатели заимствовали из сказаний, преданий художественные приемы отражения действительности. Наиболее применителен был фольклорный способ «нанизывания» эпизодов, что было характерно для устно-поэтических сказаний. Как отмечает осетинский исследователь И. Маммиева, «в арсенале эпоса были и такие художественные приемы, как законченность событийных эпизодов» [7, с. 88].

С. Хочуев в своих рассказах часто применяет один композиционный прием – рассказ в рассказе, что дает возможность соотносить два временных пространства – прошлое и настоящее – в контрастной колористике. Прозаик создает новый тип рассказа, в котором новые отношения между людьми раскрываются не только через образы персонажей, но и через восприятие повествователя-рассказчика с ясной социальной позицией. Рассказ «Жанган отну ичинде» («В горящем огне») состоит из нескольких тематических блоков. В повествование вводится легенда, сюжет которой подвергается художественной интерпретации. В ней повествуется о трагической судьбе двух неразлучных друзей, влюбленных в одну красавицу. Молодые люди, похитив девушку, решили, не нарушая верности друг другу, найти согласие. Героиня, узнав о задуманном героями легенды, убивает их и скрывается. Здесь автор актуализирует социальную проблематику. В последующей части повествования в контекст вводится рассказ о реальных событиях периода Гражданской войны, очевидцем которых выступает сам Оразай. Посредством приемов сказительского искусства писатель стремится показать характерные явления изображаемой эпохи.

Здесь необходимо обратить внимание на особенности перехода от одного сюжетного действия к другому, который осуществляется с помощью устоявшихся формул, характерных для фольклорных произведений, народной прозы. В качестве композиционных скреп в отмеченном рассказе часто встречается блок синтаксических конструкций, составляющих основу прямой речи персонажа Оразая: «*Бир бёлек жьылдан сора, ол кьргеними бир эде, бир кьауум адамны арасында айтхан эдим...*» [10, с. 90]. / «*Через некоторое время об увиденном я рассказал в одном селе в присутствии нескольких человек...*»; «*Кимле керти болургьа да болур дедиле, бирле уа ётюрюкге ушатхан эдиле. Болса да иш анда тьуюлюдо. Ол ныгьыида олтургьанладан биреулен, ол мен кьрген дангыл ёзенни, мен не кьрмеген, не зшитмеген хапарын айтды...*» [Там же]. / «*Одни приняли мой сказ за правду, другие – за ложь. Однако дело не в этом. Один из присутствующих рассказал (неведомую мне) историю о бескрайней равнине, о которой я не слышал и не видел...*».

Активно используется балкарскими авторами литературно-художественный прием ретардации (от лат. *retardatio* – замедление) – задержка развития действия включением в текст внефабульных элементов – лирических отступлений, различных описаний (пейзаж, интерьер, характеристика) [6] – композиционное средство, имеющее место в арсенале фольклорной традиции. В национальной устной и художественной словесности она (ретардация) применяется в целях доказательства достоверности рассказываемого. Как поясняет А. Ципинов, в преданиях «указывается, что об этом событии, лице в народе все знают: “как вы слышали”, “как все говорят”, т.е. то, что имеет хождение в народе и принимается им за правду – факт, не подлежащий сомнению относительно его достоверности» [11, с. 113].

В рассказах С. Хочуева обозначенный поэтический прием «реализуется» в различных участках текста: определяется в зачине произведения либо в виде вставок, отступлений в ходе повествования. Например, в рассказе «Атасыны жашы» («Сын отца») данное композиционное средство, «преломляясь через действующее лицо» [6], «локализуется» в прямой речи персонажа: «...Мени ёлген анам алгыын заманда Къанишаубийни атасы халкъны къанын къалай эмгенинден быллай хапар айтычу эди. Мени анам хапар айтхан заманда, мен гитче къызчыкъ болганма. Анам аркъасына кётюрюп, Къанишаубийни атасына оракъ оргъан заманында кёрген къыйынлыкларындан кёп хапар айтычу эди. Алай эсимде бу мен санга айтыргъа башлагъан хапар къалганды. Ол хапарны мен эшитген заманында чач тюклерим ёрге тургъан эдиле. Аны мен ёлгюнчюге деру унутмам, – деп, Таусону анасы жюреги да толуп хапарын башлады» [10, с. 167-168]. / «Моя покойная мать рассказывала о том, как в давние времена отец Канишаубия издевался над народом (пил кровь народа). Я была тогда маленькой девочкой, когда мать рассказывала об этом. Она много говорила об испытанных ею трудностях, когда, посадив меня на спину, жала серпом урожай у Канишаубия... Но в памяти осталась история, которую я начала рассказывать тебе. Когда я услышала этот рассказ, мои волосы встали дыбом...». В приведенном текстовом фрагменте «ретардация теряет... свой чисто статический характер и получает даже насыщенную эмоциональностью динамическую окраску» [6]. Проиллюстрированный отрывок служит переходом к основной части повествования.

Проведенный анализ произведений С. Хочуева позволяет **заключить**, что преобладание в балкарской письменной словесности на начальных этапах ее становления определенных жанрово-тематических потоков, художественных приемов, характерных для устного творчества, свидетельствовало о преемственной связи литературы с фольклором. Использование в национальной прозе богатейшего арсенала изобразительных средств, мотивов и образов, традиционных для народного эстетического мышления, способствовало эволюции художественного сознания, определило в дальнейшем тенденции развития словесного искусства.

Список источников

1. **Бекизова Л. А.** От богатырского эпоса к роману. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1974. 288 с.
2. **Биттирова Т. Ш.** Духовно-нравственные основы карачаево-балкарской литературы: дисс. ... д. филол. н. Махачкала, 1999. 337 с.
3. **Гергокова (Этезова) Л. С.** Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 240 с.
4. **Джамбекова Т. Б.** Фольклор как источник чеченской прозы XX века. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2010. 236 с.
5. **Ёрюзмек нартлагъа келеди (Как Ёрюзмек пришел к нартам)** // Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев / ред. А. А. Янгаева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 74-75.
6. **Зунделович Я.** Ретардация [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. П-Я. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7071.htm> (дата обращения: 06.03.2019).
7. **Мамиева И. В.** Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ: Ир, 1990. 224 с.
8. **Мусаханова Г. Б.** Татская литература. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993. 356 с.
9. **Сарбашева А. М.** Формирование историзма мышления и балкарский роман: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 1988. 22 с.
10. **Хочуеланы Салих.** Хапарла, статьяла, очеркле, эсселе, назмула (Рассказы, очерки, критические и публицистические статьи, эссе, стихи) / сост., предисл. и коммент. Т. Биттировой; на балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1986. 252 с.
11. **Ципинов А.** Народная историческая проза адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 160 с.

FOLKLORE TRADITIONS IN THE BALKAR LITERATURE OF THE 1930-1940S (BY THE MATERIAL OF S. KHOCHUEV'S CREATIVE WORK)

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
alenasarb@mail.ru

The article studies folklore traditions role in artistic thinking formation at the initial stages of the Balkar literature development in the 1930-1940s. The object of the analysis is the creative work of one of the founders of professional national literature Salikh Khochuev, which contains the characteristic features of the literary process of the aforementioned period. The arsenal of figures of speech, compositional devices (epithets, similes, retardation, composition clamps, story in the story), motives, scenes, phraseological and paroemiological units borrowed from the aesthetic resources of folk art are considered in the comparative aspect. The study shows that successive connection of literature with folklore has contributed to the process of artistic thought evolution and has determined the trends in verbal art development.

Key words and phrases: folklore; Balkar literature; poetics; creative work; figures of speech; S. Khochuev.